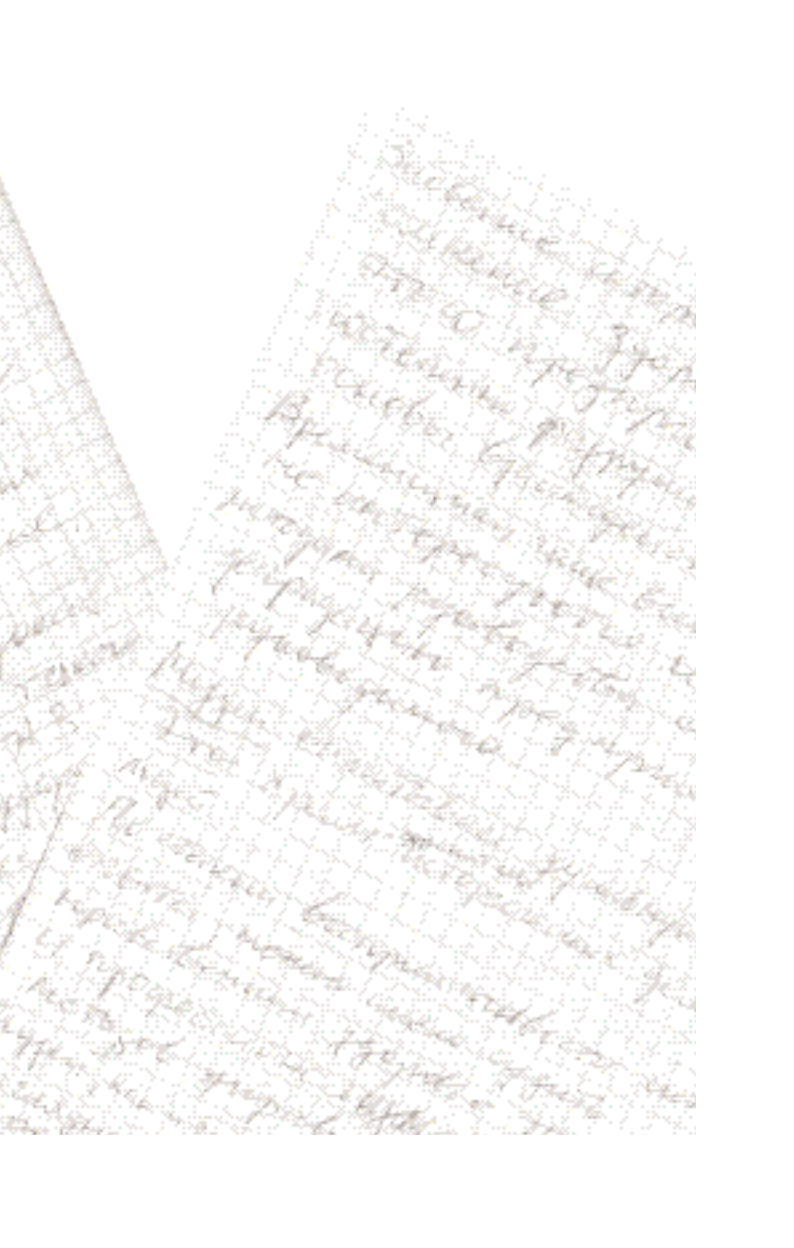

Целиков

Избранное

ЮРИЙ ЦЕЛИКОВ

ИЗБРАННОЕ

Тольятти-2011

УДК 82-822
ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5 Кр
65.305.424.3 ВА3
Ц34

Редактор-составитель
Александр Е. Степанов

Книга издана за счёт средств автора

Ц34

Целиков Ю.К. Избранное. Тольятти, 2011, 128 с.

В юбилейную книгу автора, издаваемую в канун 70-летия, включены лучшие из его поэтических произведений, созданных в период с 1989 года по настоящее время.

Издание рассчитано на массового читателя.

© Целиков Ю.К., Тольятти, 2011

© Степанов А.Е., составление, предисловие, Тольятти, 2011

Светлой памяти
Целиковой Таисии Васильевны
посвящается

*ВАЗ может быть без полигона,
Без киты гербовых бумаг,
Без гендиректора в погонах.
А вот без Кузьмича – никак!*

Виталий Пружанский,
январь 2007 г.

БУДНИЧНЫЕ ЗАМЕТКИ К ЮБИЛЕЙНОЙ КНИГЕ

Трудная миссия: написать вступление к юбилейной книге и при этом не дать повода уличить самого себя в неискренности, пафосе, излишней лести, приличествующей всяким юбилейным торжествам. Миссия трудная, но выполнимая. И уж совсем задача не страшная, потому что в одной из своих последних эпиграмм Юрий Кузьмич Целиков и без того назвал меня «редактором-паразитом», который «гнобит» авторов и правит их рукописи так, что потом трудно отыскать в них оригинальные мысли. Особенно интересно в этой ситуации то, что для составления своей юбилейной и первой итоговой книги автор обратился именно ко мне. Последовательный, надо сказать, шаг. Что ж, только и остаётся, что оправдать повешенный на меня ярлык.

Вы, уважаемый автор, приготовьтесь ко всяким и всяческим ожиданиям и неожиданностям. А я для начала обращусь к читателям со странной просьбой: закройте на несколько минут эту книгу.

Ведь вы уже потратили, дорогой читатель, немало усилий, работая локтями, чтобы добыть этот экземпляр, вы уже подержали книгу в руках, испытав первую радость от обладания, перелистали маленький томик, с сожалением отметив отсутствие «картинок», но успели, надеюсь, оценить продуманный аскетизм оформления. Обязательно среди вас нашлось с десятков-другой гурманов, с наслаждением вдохнувших ни с чем несравнимый запах типографской краски.

Но... вы ещё вернётесь к этим моментам внешней оценки книги.

А пока – всё-таки закройте её.

Закрыли?!

Внимательно посмотрите на оформление обложки, на её «лицо». Пользуясь своим служебным положением редактора-составителя, я настоял на том, чтобы вопреки издательским канонам, там была помещена только фамилия автора, без имени, без инициалов.

Конечно, с одной стороны, всё это – от желания сделать книгу непохожей на другие. В полном соответствии с непохожестью её автора на других, причисляющих себя к числу литераторов. Но этот мотив – не главный. Просто это буквенное сочетание, образующее фамилию «Целиков», для огромнейшего числа вазовцев и жителей Тольятти – уже давно просто бренд, не нуждающийся в уточнении, во внешних оформительских изысках. Бренд, мгновенно узнаваемый, вызывающий доверие и раздражающий одновременно.

Бренд. Хотел этого сам Целиков или нет. Хотя, сдается, что хотел. По принципу: «Плох тот солдат, который не носит в своём ранце жезл маршала».

«Целиков» – бренд.

В обычный день обычного вазовского офиса врывается возглас:

– Целиков идёт!

И сразу – ощущение, что приближается некий праздник. Идёт сама необычность. Непредсказуемость. Яркий клоунский номер в скуке и тоске конторской жизни. И актуальный – это обязательно. Помните штрих давно минувших лет: «...утром в газете – вечером в куплете»? Это про Целикова. Но с существенной поправкой – большинство «везунчиков» (а, посещая вазовскую высотку, Целиков сам не всегда точно знает, по каким кабинетам ему суждено будет пройти – спонтанен, как любая творческая личность) именно от Юрия Кузьмича чаще всего узнаёт то, что будет (если вообще будет!) в завтрашней газете. И не просто в форме прозаической сплетни. Этим везунчиков ждёт новость в язвительной стихотворной обработке.

Чаще всего ожидания сбываются.

– Целиков пришёл!

И почти сразу в богоизбранный кабинет просачиваются соседи из офисов справа и слева, активно пополняя аудиторию. Причём, скапливаются уже заранее смеясь, улыбаясь, толкая друг друга в ребро: ну, сейчас устроит, сейчас отчебучит, сейчас отмочит!

– Целиков сказал!

Во многих вазовских и городских курилках то, что сказал Целиков, обсуждается подчас с большей горячностью, чем бездарно профуканный футбольный или хоккейный матч нашей сборной. Потому что матчи, победы или поражения преходящи, а своя, вазовская, рубашка пришита к телу навсегда. Намертво. Не бывает бывших пожарных, учителей, врачей. Не бывает и бывших вазовцев. Вазовец – это судьба, диагноз, жизнь. И как подсказала мне моя «муза», вазовец – это приговор. Поэтому в условиях оскоплённой информационной политики вот это – «Целиков сказал» – до сих пор воспринимается многими, очень многими, как в войну сводки Совинформбюро. Независимо от их содержа-

ния, им верили, им хотелось верить. Голос Целикова – не брутальные связки диктора Юрия Левитана. Плод его голосовых связок лишен манкости и бархата, заслышав его отнюдь «неколоратурное сопрано», женщины не раздувают крылья своих утончённых носиков, а мужчины не осознают его своим физиологическим конкурентом. Целиков – не «альфа-самец», как сейчас модно говорить. Но то, что он озвучивает на своих мини-концертах в многочисленных вазовских и городских офисах, именуется только так и однозначно: «Целиков сказал!». И ещё: «Целиков врезал!».

– А вы читали Целикова? Ну, как же, во вчерашней газете....

Целиков – не просто бренд. Он – ньюсмейкер. Нет ни одной бесплатной рекламно-информационной газеты в Тольятти, где бы Юрий Кузьмич последние 5-6 лет не «отметился» своим интервью, изрядно сдобренным свежими, сиюминутными эпиграммами. И совсем неважно, насколько он близок к истине в изложении «своих новостей» (скорее ажиотажен), он просто хорошо знает, что именно придётся по сердцу его вазовскому читателю. Последние два года почти все пятничные номера «Вольного города» вазовцы, независимо от симпатии или антипатии к этому листку «непродажной» российской прессы, скупают, чтобы прочитать свежую аналитику «от Кузьмича».

– Послушайте! Я успел записать! Как Целиков нашего-то «продрал»! Вот язва! Поневоле начнёшь думать, перед тем как что-то сделать – блин, многое бы я отдал, чтобы не попасть ему на язык!

Эти, несчастные, мечтают, чтобы проскочить в своём вазовском «творчестве» незамеченными и неотмеченными сатирической иглой Кузьмича.

– Блин! Что бы такое выкинуть, лишь бы Целиков заметил!?

А вот эти, глупые и бездарные, надеются остаться в памяти потомков именно благодаря скорому на расправу перу Целикова.

Целиков – это настоящий бренд. Пока валютно никак и никем не оценённый. Ещё одна торговая марка АВТОВАЗа. Вот почему на обложке его книги (этой и последующей) нет нужды ставить привычные и обязательные инициалы, или имя.

Целиков – бренд, созданный им самим. И специально, и не нарочно. Как пение, благодаря которому избавился он в своё время от сильного заикания. Просто, как факт. Просто потому, что природа не терпит пустоты. А всё, что создано «самостью», в отличие от проплаченных и искусственно и конъюнктурно раздутых фигур, вызывает в качестве ответной реакции самый разнообразный спектр мнений и оценок. От нескрываемого уважения до такого же явного неприятия.

Этим Целиков и интересен.

Я не могу утверждать, что Юрию Кузьмичу уж совсем безразлично общественное мнение: как любой художник, он тонок и раним душой. Но то, что он всегда, всю свою жизнь шёл с открытым забралом (лишь изредка озираясь в сторону вероятного противника) – это тоже факт.

Целикова не любят. Им восторгаются.

Даже те, о ком он ещё не написал. Просто из опасения, что – вдруг – напишет.

Целикова не любят. Его боятся.

В особенности те, на кого он уже затратил особо яркие буквы русского алфавита. Неразумные, они не понимают, что их «нелюбовь» – самый неотложный стимул для творчества тех, кто скромно именуется «рифмоплётом».

Целиков как неопознанная и совершенно вдруг, не специально открытая элементарная частица, которую

обнаруживают физики в череде нескончаемых опытов, совсем не ставя себе цели обнаружить что-то новое. Он – неэстетичный и болезненный прыщ на сиденье отечественного прохиндея, упакованного в модный и дорогой костюм. Он – как внезапно всплывающий в окне компьютерного дисплея рекламный надоедливый анонс. И, как ни верти «мышкой», как не настраивай блокировочные процессы, именно в тот момент, когда после утомительного поиска сосредоточенно начинаешь изучать нужный текст, снова и снова всплывает во весь экран тот самый непрошенный рекламный блок. Вот, так же и Целиков.

Он обладает такой энергичностью и такой энергетикой, которые делают многие его поступки абсолютно непредсказуемыми. Даже для него самого. Юрий Кузьмич в этом смысле опасен как минное поле. Как в известном и старом анекдоте: «Всю ночь мы шли по минному полю. То он впереди, то я сзади». Именно так относятся к Целикову те, против кого он дружит со своим пером и бумагой. В круге моих вазовских знакомых есть уважаемый начальник уважаемого управления, который, обсуждая со мной перспективы одного публичного мероприятия, пусть вскользь, но очень твёрдо сказал: «Было бы неплохо блокировать Кузьмича! Он спонтанен».

Целикова боятся по-разному.

Один бросается ему навстречу с очаровательной и предупреждающей улыбкой, надеясь, что кусачие рифмы обойдут стороной. Кто-то «заказывает» рифмоплёта, и плохо заточенный ножик ранит его в то место, где кончается спина и начинается её неблагородное продолжение. А другой действует более – как ему кажется – изощрённо: просто пытается удалить память о Целикове из компьютера вазовской истории.

В 2002 году я был редактором-составителем первой

книги Юрия Кузьмича «Надпись на ВАЗе». Её издание тогда – отдельный детектив. Признаюсь сразу – моей фамилии читатель в тех выходных данных не найдёт: я только что, буквально полгода, как устроился на ВАЗ, и мой непосредственный начальник, первый урокодатель выживания на ВАЗе, А.А. Шаврин, благословя на эту работу, посоветовал фамилию свою публично не афишировать. Стыд гложет до сих пор – не системно, но периодически. Единственное, что успокаивает и оправдывает – за последующие почти десять лет было написано и напечатано столько полезного и интересного из вазовской истории, что было бы просто жаль, если бы по причине причастности к творчеству «запрещённого» тогда Целикова всё это осталось бы нереализованным. Я не говорю уже о нынешней книге юбиляра. Но эта моя авторская, личностная трусость оказалась просто играми в войнушку в детской песочнице по сравнению с одним существенным эпизодом 2007 года.

Был (а, может, и есть, не слыхать что-то в последнее время) на АВТОВАЗе такой чиновник, назову его «Ч», в полном соответствии с начальной буквой его фамилии. И работал этот чиновник в дирекции, где этих «Ч» потом оказалось в предостатке. Или, в избытке – как кому нравится. Одного, такого же, «Ч» недавно подвинули. Другого, с более шипящей заглавной буквой, – отправили с понижением на повышение в иное место, где сборочные автоматы, благодаря компрессорам, ежеминутно выдают все эти «ш» и «ч», работая на удовлетворение тщеславия бывших поселенцев вазовской «изоленды».

Так вот, однажды, науськанный своей подчинённой, одной дамой, ревниво относившейся к историческим исследованиям, предпринимаемым в дирекции Петра Нахмановича, чиновник «Ч» пригласил меня к себе на беседу. Я тогда возглавлял уникальный (прецедента, кроме ВАЗа, нет до сих пор) проект «Корпоративная

история ОАО «АВТОВАЗ» и только-только запускал в работу (написание и издание) книжную серию «Творцы АВТОВАЗа». Будучи по профессии своей историком, любящим Отечество, но уже изрядно уставшим от родного государства, чётко определил для себя, кто может и должен называться на ВАЗе «творцом». Не утомляя читателя занудными подробностями, скажу, что чиновники любых мастей и рангов под эту дефиницию никак не попадали. За исключением разве что тех, кто до чиновничьего кресла имел вполне творческую и созидательную работу.

Одним из творцов в моём редакторском списке значился Целиков. Объективно: один из инициаторов строительства Головного центра запасных частей, один из организаторов строительства НТЦ, активный рекламодатель вазовских автомобилей, организатор автопробегов, участник реформирования дилерской сети. А что стоят те года его жизни, когда он был поставлен руководить автоцентром на Восточном кольце с одной-единственной целью обеспечить пустые вазовские кассы наличкой для зарплаты рабочим. Было это в смутные 90-е годы. И ведь наладил торговлю! И обеспечил же те проклятые деньги! Книжка о Целикове уже была заказана очень равнодушному журналисту Ольге Улькиной.

Назидательный, предупредительный и предупреждающий разговор со мной чиновника «Ч», мнящего себя главным судией в вопросах ценности и полезности конкретных персоналий, в отношении Юрия Кузьмича Целикова был поразительно кратким, но грубым и однозначным: «Определять фамилии тех, кто на ВАЗе является творцом, должны только мы. Ну, что это такое?!... Что в этом списке делает Целиков? Целиков – это фигляр!». Сознаюсь в собственной недостаточной грамотности – полез по приходу домой в словарь Ожегова: ярмарочный шут, жалкий паяц.

Через недельку-другую, спровоцированный теми же процессами, повстречался с одним деятелем из числа бывших директоров, очень ценным в своё (подчеркиваю это слово – «в своё») время самим Виктором Николаевичем Поляковым. Встречаюсь «под диктофон». Услышал ту же оценку Целикова. Но главное ждало впереди – изгнанный в отставку директор страстно мечтал (и мечтает до сих пор и делает к этому попытки) увидеть книгу в серии «Творцы АВТОВАЗа» именно о себе. Мои доводы, что основная его деятельность развилась позже (по хронологии), а впереди шла очень трудоёмкая работа его подчинённых, когда он был простым начальником непростого отдела, вызвали просто хамскую оценку: «Это всё – официантки, подсобные работницы. Основная работа проводилась мной». Огромная масса высококультурных, чрезвычайно начитанных людей, без участия которых монтаж оборудования на ВАЗе вообще не мог бы состояться, враз оказались в мусорной корзине истории.

Моя жёсткая и крайне недипломатичная позиция привела к тому, что намеченные на первый год работы три книги из десяти в серии «Творцы АВТОВАЗа» усилиями господ «Р», «Ч» и «Б» вообще не увидели свет. В том числе и художественная биография Юрия Кузьмича Целикова. Книга об Александре Ясинском проходила сквозь родовые пути, сплошь утыканные ежовыми иглами. Почти год. Вышла, изнасилованная добрым десятком цензоров. С подачи того самого господина «Ч». Художественная биография Георгия Мирзоева увидела свет только в силу смены властителей кабинетов. А до всего этого тот самый «Ч» (большой), его наушник «Р», преемники и последователи большого «Ч» – «ч» (маленький) и «ш» (просто юный) – и примкнувший к ним на короткое время «Б» просто погубили проект.

Вот этот, откровенно удивлённый и удивительный в своей откровенности возглас ряда чиновников ВАЗа: «Как, разве творцы – это не мы сами?!», поставил крест на изучении и пропаганде славной, но увлекательной и драматичной во многом вазовской истории.

Уж, не знаю, что здесь страшнее: ярмарка неудовлетворённого тщеславия или нож в поясницу?! Так или иначе, создать «памятник» Целикову и другим уникальным первопроходцам ВАЗа мне не дали.

«Целиков» – бренд, заноза, проржавевший гвоздь-сотка (попробуйте-ка вытащить плоскогубцами!). И это уже навечно, что лишний раз подтверждается тем фактом, что тот самый большой «Ч» (дай Бог ему здоровья!), сменивший после того памятного разговора 2007 года пару кабинетов, давно не слышен, не упоминаем, и неизвестно мне в этой информационной тиши, а работает ли он на АВТОВАЗе до сих пор.

А Целиков жив, бегаёт себе на полусогнутых. Правда, с годами немного медленнее. Что только положительно сказывается на росте его творческого мастерства. И книгу «Избранное» Целикова вы, читатель, держите в руках, как я и просил, закрытой и с любопытством сейчас рассматриваете её обложку.

Целиков – особость. Даже в том, как его величают в глаза и за глаза. Просто «Кузьмич». Ну-ка, попробуйте навскидку вспомнить кого-то из именитых и знаменитых вазовцев, которых зовут так почтительно, только по отчеству? Кличек, прозвищ, «погонял» было достаточно. Но мало. А.А. Житкова, второго генерального, звали «Дед». В.В. Каданникова сократили до «Кадана», иногда рифмуя «Кадан» и «Карман». Полякова звали «Папа». А кого ещё и как?

Не теряйте зря времени – не назовёте. Устойчивых брендов на ВАЗе не так уж и много.

В этом поименовании – «Кузьмич» – нет фамильярности. И не каждого старейшину в русской общине,

в деревне называли так уважительно кратко. Это надо заслужить.

Да и сам Юрий Целиков не противится такой лёгкости обращения:

Брат звал ласково – «Юрок».
Был молоденький «шнурок»,
А теперь я старый хрыч.
И зовут меня Кузьмич.

Или (автор иногда позволяет себе быть самокритичным):

Косит часто под «придурка».
Среди близких кличут «Юрка».
Отзывается на клич,
Если кличет кто «Кузьмич».

Целикову – 70. Как сказал классик советского политического детектива устами одного из своих героев: «Семьдесят лет – возраст расцвета политиков». Эту же фразу приписывают и Уинстону Черчиллю. Но я отвлёкся. Хотя – по здравому размышлению – любой, работающий с публичным словом – политик.

Целикову – 70, а, значит, дети уже выросли, состоялись. Подрастают внуки. Старший на следующий год заканчивает 11-й класс, а, значит, и правнуки Юрия Кузьмича не заставят себя долго ждать. Им, взрослым и почти состоявшимся, и тем, маленьким и несбывшимся пока, – повезло: можно не только спокойно жить, нося фамилию Целиков, но можно и нужно искренне гордиться собственным предком.

Редкий человек.

Тем более, что именно внуки заботят его в этой жизни больше всего. Готовя эту книгу к печати, внимательно перелистал немалую стопу черновиков и запи-

сей деда и потенциального прадеда Целикова. В одной из тетрадок нашел фразу без пометок авторства (Кузьмич часто записывает на листах и чужие умные мысли): «Самый ценный (значительный) успех в жизни – уважение к тебе твоих детей и внуков».

Ну, вот, всё, пожалуй.

Что было написано выше – это арахисовая халва хорошего качества. Как подарок юбиляру. Впрочем, искренний и без особого умасливания. В умасливании Целиков просто не нуждается: он хорошо знает себе цену – и продажную, и закупочную.

А вот дальше – тезисно, и как в том анекдоте: полоска повидла, полоска...

То есть, как раз то, на что может рассчитывать только тот автор, который опрометчиво называет своего редактора «паразитом».

Целиков никогда не был поэтом. И вряд ли наступит время даже в отдалённой перспективе, когда это слово «поэт» будет органично сочетаться с фамилией юбиляра. Но я солгу, если скажу, что Кузьмич никогда не помышлял о близком родстве с Пегасом. При этом он всегда помнил о том, что общение с этим крылатым конём сулит большой риск вляпаться в навозную кучу. Старательно обходя эту ароматную органику, Целиков, тем не менее, всегда с ревностью, присущей любой творческой личности, относился к «книжкообладателям» и, пардон, членам всяких и всяческих творческих союзов. Те, в свою очередь, никогда не воспринимали его всерьёз, но этим только стимулировали его увлечение острой рифмой:

У подножия Парнаса
Весь в навозе от Пегаса
Я степановским пером
Был обрызган как... вином.

Тут, конечно, предполагалась (и в черновиках осталась) другая рифма. Читатель догадается сам, а подрастающие внуки извинят деда за такую вольность. Кстати, «степановское перо» – это про моего знаменитого однофамильца с отчеством Дмитриевич.

Или, вот, давнее, но не потерявшее актуальность:

Всё прояснилось на Парнасе:
Где? Что и как? И что почём?
Вино в поэтах, деньги в кассе,
А Пушкин..? Явно не при чём.

Целиков неуязвим для уколов «доброжелателей»: в отличие от собратьев по перу он достаточно самокритичен и предпочитает сам клеить на себя ярлыки, обламывая кайф тем, кто торопился сделать то же самое. В этой очереди плюнуть в Целикова самый первый всегда сам Юрий Кузьмич:

Из меня такой поэт
Как из пальцев пистолет.
Я ж обычный рифмоплёт
И строчу как пулемет.
Эпиграммы я строчу
И начальников мочу.

И он совсем не случайно называет себя рифмоплётом, понимая, насколько далеки его произведения от образчиков классической поэзии. Целиков – не поэт. Но Целиков – однозначно неоднозначный культурный феномен не только в истории ВАЗа.

Свои эпиграммы в тех же черновиках и набросках он называет «телеграммой потомкам». А телеграфный жанр – это чёткость, срочность, это попадание в «десятку», это злободневность. Но и мгновенная старость и

смерть: то, что высмеяно вчера и сегодня, завтра затмевается другой новостью, иной сатирой. Не вечность творчества – вот что угнетало и угнетает Целикова с особой жёсткостью. Так мне видится.

«Для эпиграммы нет авторитетов» – читаю в другой тетради. – «Ведь это шило в седалище пророков и кумиров».

Возможно, что несовершенство его виршей – просто следствие, внутреннее следствие осознания собственного бессилия что-то кардинально изменить. Отсюда – импульсивность мысли, частая нелепость фраз и метафор. Ну, и какая в этом особая беда?! Целиков никогда и не претендовал на звание любимого поэта Александры Владимировны Кишкурно. Хотя, очевидно, что призвание и лавры Владимира Маяковского времён «Окон РОСТА» мучают моего героя:

Вот идёт моя Россия много лет,
По дороге имени Сизифа.
Шёл и я по той дороге вслед
Всем творцам коммунистического мифа.

Так откуда ж боль вдруг за судьбу страны,
И откуда ж чувство смутное вины?
Если вижу всюду мерзость запустенья
Нью-самодержавного правленья.

Может, боль – всего лишь возрастное?
Заблужденья, может, путаю с виною?
Не лучше ль зомбоящик не смотреть,
Плюнуть бы на всё и... растереть?

Целиков – торопыга по жизни. Язва жизни замечена – обличительная строка должна быть им отлита немедленно. Мне кажется, Кузьмич, как творческая

единица, единственный в этом городе, кто обходится без письменного стола. Он – существо бурлящее. Без берегов. В одной из тетрадок нахожу: «Бывает, что бурлящий ум не отличим от глупости кипящей». Такой афоризм изобрёл и записал он однажды. Не предполагая, а, может, и догадываясь, что этот афоризм – более чем авторский.

Честен он и по отношению к своей непосредственной работе:

Почти два года МАДом я руководил.
Немало дел заквасил, но и намудил.

«Моя насмешливость добра...». «Моя ирония с улыбкой...». Врёт, конечно. Скажем мягче – лукавит. Злая у него ирония. И хорошо. Какое время – такая и ирония.

В творческом самовыражении Юрий Целиков – публицист. Это, если хотите, околотитературный Карацупа с его верной собакой – обычной шариковой ручкой и замызганным блокнотом. И как для любого пограничника, для Кузьмича главное – *охранять* и *что* охранять, а *как* охранять – колотушкой ли, как кладбищенский сторож цветочных воров, острым ли ядовитым пером – главное, чтобы чужие не разрушали родное.

И вот это главное – *что*, а не *как* – объясняет юношеское (радикальное, непримиримое, максималистское) состояние его мастерства в творчестве. Юношеское с потенцией в неминуемую зрелость. Поэтому он до сих пор всеяден в своём стремлении высмеять всё, что «плохо лежит, бегаёт, работает», он по-прежнему ещё (правда, уже реже) «изобретает» стих, отливая свой гнев в пресс-форму сарказма, где всё лишнее «шипит и прогорает», а на обочине строфы – капли живой крови рифмоплёта-бунтаря.

Он ведь в основном творит в жанре оперативном, на любой чих текущей истории реагирует. Ну, а с учётом того, что АВТОВАЗ последние годы не вылезал из всяких и всяческих «ОРВИ», «исчихался» в конец и сам Целиков: иногда даже не успевал отреагировать на одно, как наступало актуальное другое, напрочь перечеркивавшее предыдущее. Поспешность в ловле блох – так можно было бы обозначить весь тот блок его творчества, который завязан на перипетиях каждодневной вазовской жизни. Но это вполне объяснимая поспешность и внутренне обусловленная: «Я ветеранов отголосок...».

Но ценное в том, что Целиков не изменяет себе в главном – он не может спокойно пройти мимо как местных, так и общероссийских проблем и язв. Глаз зрителя и стража сузил его зрачок (прищур даёт большую контрастность и чёткость) на больных процессах нашей истории нескольких последних лет. Сосредоточенность, сдержанность в определении тематики творчества – явный признак проступающей зрелости автора. Целиков – не просто созерцатель, не сторонний наблюдатель, лишь отражающий в своём творчестве почти непрерывный монтаж актуальных процессов, а прямой участник, вжившийся в историю и переживающий её изнутри. Отсюда и достоверность его несовершенного творчества. Которое он, как тот сеятель, щедро разбрасывает по страницам всевозможных газет, того же «Вольного города» или «Вечерка», и на словесных дуэлях в высоких, средних и малых кабинетах вазовской высотки.

Молча и попутно, отчасти завидуя (вернее, пытаясь встать в тот же ряд) признанным мастерам жанра, Целиков вносит свой вклад и в перелицовку мудрых мыслей и афоризмов. И прозой, и рифмой. Открывает мудрые мысли заново. Для себя и для внуков. Впрочем,

как это делает любой человек, впервые и единожды познавая эту жизнь. Получается по-разному. Вот, например:

Есть у людей неписанный закон:
Чем чище совесть – глубже сон.

Как завет внукам – верно, подойдёт для семейного альбома. Как образчик поэзии... ну, это вряд ли.

Или, вот:

Любезен был бы я начальству и заводу,
Когда б молчал, набрав в рот воду.

Это парафраз пословицы «Молчи – за умного сойдёшь». Надо признать, для Юрия Кузьмича иногда главное – срифмовать, встать в один ряд с классиками хотя бы этим. Поэтому в своём «телеграфном» стиле он даже не обращает внимания на вылезавшие невзначай противоречия: заводу как раз (если под этим понимать ветеранов братство и подрастающую молодёжь) он был бы нелюбезен, если бы молчал.

Мышление прозой в форме афоризмов или «попутных мыслей» даётся Целикову лучше, удачнее.

Например:

В удачной фразе есть зачатки гонорара...

Или другое:

Нашел я место. Можно ставить пробу!..

Вообще, тщеславие (как необходимый стимул к творчеству) часто играло и играет с Кузьмичём в злые шутки – услышит, увидит, напишет тут же, на коленке, и вот – ударяется в беготню по кабинетам и офисам

(конечно, нужна публика, аплодисменты и признание) читать «горячее». Аж взмылится, сопит, задыхается. Но радостно. Просто потому, что Целиков – актёр по своей природе, талантливый лицедей.

В одной из эпиграмм Кузьмич назвал меня телеграфным столбом. Считал, видимо, что именно такой статус прощает мне мою же прямоту в высказываемых мыслях. Полагаю, здесь мы сродни: я часто склонен сначала произносить слова, а потом уже обдумывать, насколько уместны и продуманы эти слова были; поэтому предпочитаю излагать эмоции и рациональное исключительно письменно; Целикову чаще сначала приходит на ум рифма, а потом он тратит невероятные усилия на поиски такой мысли и такого факта, которые бы подтвердили первоначально найденную рифму, чаще банальную. Например, «Вильчик – автомобильчик». Есть такая зарисовка в черновиках юбиляра. Здесь, как говорится, нет ничего личного: Целиков относится к последнему вазовскому производственнику с уважением. Но вот ведь судьба рифмоплёта! Рифма есть, фраза найдена (здесь, кстати, автор не оригинал – такое сочетание давно приходило в голову многим вазовцам). И начинаются мучения: как жаль, если это найденное, сочинённое потеряется, не будет использовано. И вот под это, автоматически, на ходу созданное «чик-чик», начинает создаваться целое «произведение», наворот мыслей. Отсюда – некоторая детскость фраз, много мусора и сора в черновиках.

Мне иногда кажется, что рифмоплёт-юбиляр – некая жертва самовнушения, что он «поэт и гражданин» (последнее и не отрицается) и потому обязан... потому рифмует всё, всё, что видит и слышит: пролетела ли ворона, не так, как вчера, чадит вазовская труба, несбывшийся прогноз погоды, мэр чихнул не на того и не в том месте. На любом мероприятии, на любом сборище

Целиков чувствует себя обязанным, призванным срифмовать происходящее сейчас событие, и – самое ужасное – публика именно этого и ждёт, именно каверзного и острого сочетания рифм. Пусть и неказистых. Особенно принимая во внимание «никакой», но вполне объяснимый уровень русского языка у ветеранов ВАЗа. Пусть и там, в том месте, где эти рифмы просто оказываются неуместны. Отсюда – массовость, множественность «нижепоясной» лексики в его телеграфных и часто потому малоцензурных произведениях. В его злободневных «точках-тире».

А всё потому, что не было и нет до сих пор у Юрия Кузьмича Целикова терпения, системного терпения поработать над словом. Сначала поработать, а потом уже удивлять публику. Он возвращается к однажды и наскоро сочинённому много позже, после первоначальной и многократной обкатки на публике, убеждая себя в том, что именно реакция людей и укажет ему на удачные или, наоборот, слабые места. Не понимая при этом, что так и остаётся в памяти у слушателей с обострённым слухом именно «слабым». Правда, надо сказать, что возвращается к написанному не один раз и даже не два, а порой двадцать два, шлифуя давно написанное. Хотя бы для того, чтобы потом образовалось вот это самое «Избранное».

Все реагируют на жизнь по-разному. Рифмование событий, которые волнуют – целиковский способ отражения действительности. Способ упорядочивания собственных эмоций. Придания им околокультурного вида. И даже – культурного: у Целикова большая библиотека. Книги он не только собирает, он их читает, часто с карандашом в руках, конспектирует. И в том числе, книги по истории и теории поэзии. Книги по истории жанра эпиграмм – давно настольные. Поэтические сборники классиков и современников – всегда в

обилии и под руками. Целиков всегда в процессе совершенствования. Хотя прочно укоренившееся в нём стремление во что бы то ни стало «угодить» рифме сказывается на смысле и построении фразы.

Как видите, упрекать Целикова-автора можно во многом. Ценить нужно хотя бы за одно – за то, что давно уже и на наших глазах превратилось (вернее, не столько превратилось, сколько исчезло, исчезает совсем) из добродетели в порок – за равнодушие. «Ломаю голову над заводской судьбой...» – часто в той или иной форме встречающаяся запись в его тетрадках. Кстати, уважаемый читатель, можете раскрыть книгу. Сначала на форзацах. Мы их украсили фотокопиями тех страниц рабочих тетрадей Целикова, где он как раз «для себя, а не для публики» в той или иной форме ломает голову над судьбой АВТОВАЗа. Совсем не убеждён, что кто-то ещё из знаковых ветеранов завода (знаю только одного толкового и практикующего аналитика – Анатолия Ивановича Писцова), от которых этого можно было естественным образом ожидать, утруждает себя такими головоломками.

Я знакомлюсь (слушаю и читаю) с произведениями Кузьмича вот уже десять лет. Что там главное? По сути, а не по форме? Что бросается в глаза сразу в этих «рифмованных мыслях»?

Горький протест. Яростная защита. Обвинительные заключения.

С позиций завтрашнего дня, когда современное станет вчерашним и позавчерашним, но не менее большим, как исковерканная жизнь, – безусловно, это строки иска к современной истории, ко всем её участникам, да и к себе, как непосредственному субъекту происходящего.

Красивая метафора есть в «Писании»: «Если я наведу на землю меч, и народ возьмёт человека и поставит его стражем, и страж, увидев меч, не затрубит в трубу и

не предостережёт – кровь жертв невинных падёт и на его руки...».

Целиков – страж. Один из многих в этой стране. И, пожалуй, единственный на АВТОВАЗе и в Тольятти. Просто он умело использует Богом данный ему дар «...глаголом жечь сердца людей».

Он понимает, что таких, как он, тем, кому за шестьдесят, за семьдесят, кто отдал свою жизнь, силы, душу Волжскому автозаводу и городу Тольятти – тысячи. Но «пепел Клааса» бьётся в сердце каждого из этих «тысячников» по-своему. Целиков импульсивен, эмоционален, шершав в языке: с точки зрения некоторых, он – банальный графоман. Но в отличие от большинства городских авторов поэтических и (чаще) псевдопоэтических книг, Целиков – единственный житель города и ветеран ВАЗа, кто сумел воплотить в себе священный типаж «поэта-гражданина», не будучи поэтом по форме.

Его равнодушие к тому, что происходит вокруг, не застывает на выщербленном асфальте злобным плевком, не пачкает застиранную наволочку подушки безысходными слезами оскорблённых чужим беспамятством глаз, не сжимает в отчаянии узловатые пальцы отработавших рук в немой кулак ветеранского гнева, обращенный в высь и в никуда. Его равнодушие – это целенаправленный выстрел ночного сторожа, стража!

Это соединенный в рифмованные, часто несовершенные строки протест, крик, плач вазовских ветеранов, перебирающих в памяти по узелкам главную часть своей жизни – построенный собственными руками и выстраданный завод, который в очередной раз в своей истории на их глазах становится разменной монетой в руках судьбы.

Поэтому оценка творчества (или творческого хобби, если правде угодно именно так) Юрия Кузьмича Цели-

кова лежит вне литературоведческой плоскости и далеко за пределами объектов шаблонных критических эссе.

Та книга, которую читатель сейчас листает, необычна. И совсем не потому, что она подобрана и издана к юбилею. Это само собой. Просто в Целикове, в его самооценке произошёл перелом. Однажды он спросил самого себя: «А что из написанного останется внукам?».

Этот вопрос читается иначе так: «Что из созданного (а хлам сопровождает всех нас в этой жизни) я могу оставить внукам как достижения, как мои маленькие целиковские высоты? За что мне никогда, даже по ту сторону добра и зла, не будет стыдно?».

Этот новый мировоззренческий этап в жизни Юрия Кузьмича Целикова и продиктовал подбор произведений в его новую книгу, в это воплощение первого промежуточного итога жизненного и творческого пути.

Здесь собрано привычное и необычное, совсем незнакомое и даже милое – у внимательного читателя есть шанс услышать на страницах этой книги другого Целикова. Мне кажется, многое из публикуемого писалось Кузьмичом в ночной тиши уснувшего дома, а не на бегу «разносчика телеграмм». Когда время тянется медленно, а мигание фонарного столба за окном настраивает на иные мысли и ритмы. Глубокие мысли и мягкие ритмы. Я уверен, что самые нежные, продуманные строки писались Целиковым тогда, когда текущая вазовская жизнь давала ему передышку и не подкидывала острых тем. В эти часы он опускался на грешную землю. И его бунтующее сердце открывалось лирической стороной.

В этой книге есть то, чем Целиков является на самом деле. Не ежедневной газетой, которая чаще устареваает до подписания её в печать, а солидным ежесечасником. Размеренным, в чём-то противоречивым, но всё равно продуманным. В этой книге есть такие стихи, которые уже не стыдно назвать высоким словом «поэзия».

Откройте книгу и прочтите его талантливую «Подлодку»! Что-то «твардовское» в ритмике этого стиха, почти по «Тёркину». Мастерски написанное. Редактору здесь делать нечего – не убавить, не прибавить. Отыщутся читателем и ноющие от избытка нежности и грусти строчки про сынка, который ненароком прервал неповторяющийся отцовский сон. И строки к сороковинам после смерти жены, Таисии Васильевны. И обращение-завещание к внукам. И нежное «Таичке»...

Мне часто становилось грустно в работе с черновиками Кузьмича: лирические строки были действительно находками в этих раскопках. А как хочется, чтобы это стало его единственным способом отражения жизни.

С юбилеем, дорогой Юрий Кузьмич, с новым творческим этапом!

С уважением
Александр Е. Степанов

Я сел за руль, со мной – мелодия
Как цвет «десятки», вдаль скользящей.
Цвет голубой мечты – «Рапсодия»
И звук мелодии манящей.
Жаль, что любить тот цвет и звук
Мешает мне в подвеске стук.
Продрогнув, можно простудиться.
Как выручает тут «Жигуль»!
Тот, что имеет цвет «Корица»,
Он даст тепло... Садись за руль!
Коря погоду, грея зад,
Вдыхай корицы аромат.

И я, как все, конечно,
Бывал нередко грешным.
Но я старался, видит Бог,
Правдивым быть.
Насколько мог.

Пока хватает мне ума
Не причислять себя к поэтам.
Их, как чинуш, в России – тьма!
Уж на Парнасе места нету.
Поэты, Боже, сколько ж вас?
Над вами ржёт уже Пегас!
Я слышу «ржанье» лошадей
И под капотом «Жигулей».

О, Боже! Сколько странных снов!..
Приснилась мне мелодия без слов,
Которая меня заморозила..
И понесла меня неведомая сила.
Но вдруг... раздался сотовый звонок.
Какой мне сон ты оборвал, сынок...

Владею голосом, собой.
Не властен только над судьбой.
Ты, Боже, не сердись, прошу –
В судьбу поправки лишь вношу.

По трассе еду... Скорость «сотка».
Вдруг знак дорожный. Торможу...
На знаке силуэт – «ПОДЛОДКА».
Я из машины выхожу...
Смотрю... А поперек дороги
Идёт блестящий чёткий след.
Подводной лодки след? О, Боги!
В степях Поволжья? Что за бред!
Но тут вдали увидел чётко –
По насту снежному в степи
От моря к ВАЗу прут подлодку,
Как динозавра на цепи.
Был Казаков со мной, он «сфоткал»,
Как на заснеженных полях
Я встретился с подводной лодкой
За тягачами, на цепях...

Ущербность оправданий,
Поспешность награждений,
И мудрость умолчаний,
И вечно бедный гений.

При коррумпированной власти
Всё эфемерно. Всё в прострации.
А бизнесмены разной масти
Кучкуются в ассоциации.

Отменный вкус стал у ничтожества,
А пошлость изумительно практична.
И осмелело мужеложество,
И воровать – уже прилично.

Кулак не долго ищет повод.
Он – власть! Он – сила! Он – кулак!
Кулак – всегда вернейший довод.
Чей нос не верит, что не так?

Хаму от НТВ

Заискивание перед хамом
Меня чуток насторожило.
Я пожалел, что не был «тама».
О! Я воткнул бы хаму «шило»!
И за «десятки-антилопы»
Я б «Соловья» сослал в окопы.
Беременность – святое слово –
Звучит как гадкое словечко
В устах у хама Соловьёва.
Как пошл язык у человечка!
Эх! Знала б Соловьёва мама,
Когда беременна была,
Что выродит такого хама,
Она бы дочку родила!

Сын губернатора – врожденный бизнесмен.
А пост отца – гарантия успеха.
Таков закон – я говорю без смеха.
Закон рожден в эпоху перемен.

Снимает стрессы, страх и боль
Родной российский алкоголь.
Народ России это знает
И часто всё с себя снимает.

К двум истинно российским бедам старым,
Известным всем как «дураки-дороги»,
Теперь пристроились на пару
Бандиты и бандитские налоги.

Купив авто, ты несказанно рад.
Вот руль в руках, и чёрт уже не брат.
Но и летя по скоростным дорогам,
На самом деле ходишь ты под Богом.

Он туповат? Да – это факт.
Ты острый, но всегда в накладе.
С тупым был заключён контракт,
А острый – на простом окладе.

Все, что прочтёшь – предай огню...
Сейчас не время знать про это.
И мысль опасную гоню,
Что чья-то песня почти спета.
И стынет фраза на губе –
В конце три буквы: Ка, Гэ, Бэ ...

Жить на зарплату?!.. Надо ж ухитриться!
Зарплата «средняя» считается нормальной!
Как «средний» градус по больнице,
Где в сумму входит и исход летальный.

2006

В подвластном шефу аппарате
Сегодня очередь от самого крыльца –
Все отмечают дату «семь в квадрате»
Высокого и важного лица.
Вопрос к лицу – одновременно тост:
Когда лицо избородят морщины,
А у лица вдруг меньший будет пост,
Придут ли снова поздравлять мужчину?
Я этому лицу желаю счастья,
Но без налёта поклоненья власти.
Так выпьем же, чтобы узнать ответ
Не через год, через пятнадцать лет.

2000

Моему другу Стасу Казакову

Все в кадре: и пейзаж, и люди,
Без боевых медалей груди,
И реки горные и сад,
Грушеподобный чей-то зад.
И космонавты, и поэты,
Девицы, лошади, ракеты.
Короче, есть весь белый свет.
Лишь Казакова в кадре нет.
Хотя в зеркальном отражении
Мелькнет его изображение.

Посвящение Игорю Губерману

В большом совковом «автопарке»
Был Игорь в роли «иномарки».
За ним следили, угоняли
И... на цитаты разбирали.

Памяти Черномырдина

Политик, афорист, языковед.
На всё неадекватный даст ответ.
Доходчиво, прикольно, популярно
Вопросы свяжет... «перпендикулярно».

К портрету Петра Нахмановича

Фотогеничен, энергичен,
В семейной жизни не шкодлив,
В деньгах почти не ограничен,
Хотя и евро-шекелив.
Гордится скромно сыновьями
Перед надежными друзьями.
Был часто бит не только в ухо,
Но от битья лишь креп Петруха.

Елене Камбуровой

Есть колдовской по тембру голос –
По залу дрожь и «дыбом волос».
Кто слышал пенье, тот не скроет
Про след в душе, как от когтя,
Когда «как зверь она завоет
Или заплачет как дитя».

Ясинскому. Почти сонет

Экономист – аристократ.
И ДУМАющий депутат.
Он в депутатские года
Дистанцию держал всегда
От словоблудов и ханыг,
Поддерживая молодых.
Молоденькие всегда рядом.
«Ясинотичны» его взглядам...
Мне кажется, что и сейчас
На молодых он «косит» глаз.
Все помыслы «бес... порно» чисты.
Его кумирят «декабристы».
О, будь Ясинский помоложе,
Любили б «декабристки» тоже!

Пушкину

Высокий дух витал в греховном теле,
А гений вылезал из всех щелей.
Поэт всегда был на пределе
И чувств, и мыслей, и страстей.

**Размышления у парадного подъезда ВАЗа
возле памятника В.Н. Полякову**

До чего же время быстротечно...
ВАЗ живет и рядом Вы ...навечно.
В виде бюста Вы, отец – создатель,
Издали, как «летчик – испытатель».
И с тех пор, как Вы «побронзовели»,
Трудно Вас признать. На самом деле.
Да и Вы бы не узнали свой завод.
Тут у нас ... такой «туда- ворот»!!!
Что творим – не ведаем подчас ...
О, создатель! Вы простите нас...

апрель 2007

Полякову

Был очень строг,
Но понимал и шутку.
И, видит Бог,
Он вышел на минутку.
Покинул он
Всего лишь ВАЗа зданье,
Нам причинив тут радость созиданья.

Я стар. Я помню прошлый век.
Трудом был славен человек:
Герои-летчики, шахтёры,
Учителя и комбайнёры,
Врачи, художники, артисты
И сталевары, и танкисты.
И в моде разные спецы.
А нынче в рейтингах – дельцы,
Да безголосые певцы.
Сменился строй, ушли идеи.
На щит поднялись блудодеи,
Менты с разбитых фонарей
Теперь и Штирлица модней.

Да-а-а ...Видно чем-то манит та галера,
Что новый срок гребец готов мотать.
Раб божий, ну скажи, какого хера
С рабами должен и народ страдать?

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте?
На свете есть еще печальней повесть,
О власти, потерявшей совесть!

Вожди в стране уж взгляды поменяли,
Переменяли убежденья.
И крест, что раньше низвергали,
Теперь слюнявят в исступленьи.

Подожди страна немножко –
В автомоде новый стиль!
Скоро даже «Бабка-Ёжка»
Сядет в новый «Ё-мобиль».

Когда к деньгам безмерный аппетит,
То горе от ума России не грозит.
Не от ума в России горе,
Коли во власти вор на воре.

Не верь посулам о грядущем,
Надейся только на себя.
В любое время власть имущим
Есть повод обмануть тебя.

Почти по Бёрнсу

Склонясь у гробового входа,
Зря сокрушается Природа.
Взгляни на депутатов рать!
Пора тебе, Природа-мать,
Контрацептивы применять!

Пусть пиво пьют и те, кто за рулём –
Два депутата Думы бились в страсти:
Зять одного пивным был «королём»,
А сын другого продавал запчасти.

Записывал начальников остроты,
Их оговорки, байки, анекдоты.
О, мыслей зафиксировал навалом.
Кому б продать?!
С оплатой чистым налом...

Колючки тут и слов игра.
Надеюсь, вазовцы простят мне злые штучки.
Все эпиграммы – проба лишь пера.
Точнее – проба шариковой ручки.
Пером, конечно, подкольнул бы я острее.
Пусть хоть судьба –
Быть вздёрнутым на рее.

То, что было авантюрно и опасно,
Помню до сих пор я очень ясно.
А что было скучно и уныло –
Это память осторожно пропустила...

Кто предан юмору и лире,
Тот должен помнить о сортире,
Где мочат, кроме террористов,
Ещё и вредных юмористов.

Поэтом я могу не быть,
Но «подкопнуть» свой ВАЗ обязан...

Стареют все... И даже генералы!
Поскольку для всего есть в жизни срок.
«Роз алых миллион» засох у Аллы.
Из генералов ВАЗа сыплется ...песок.

ВАЗ для меня давно родной.
И если болен ВАЗ,
То вместе с ним и я больной,
В сердечном ритме перебой
И... что-то щиплет глаз...

Как сохранить мне чувство меры,
Не потеряв при этом веры
В порядочность топ-менеджмента...
Скатиться, что ль, до комплимента?!
И «покатился» я неспешно,
Но к чувству юмора, конечно.
– Смотри, докатишься, Кузьмич! –
Сказал Каданников-москвич.
Я потянулся к тормозам,
Но вдруг ударил по газам...

2003

А, правда, что Каданников богат?
И что трудом тяжелым нажито богатство?
Да! Он – богат!
Он возвращивал свой сад.
Об этом знает ветеранов братство.
Геройский труд достоин памяти веков.
Пахали все...
Особо – Поляков!

2004

Осторожным на ВАЗе

Семь раз отмерь,
Но сам не отрезай.
Побольше виз на документе собирай.
А шефу говори: «Решенье взвесьте».
И до-о-о-лго будешь ты на хлебном месте.

На ВАЗе доктора наук
Успешно лечат наши уши.
Любая критика всё глуше.
Ой, как опасно пилим сук.

ВАЗ отправлять на свалку рано.
Пока страна стрижёт «барана»,
Всё золотое сняв руно,
Продайте нас скорей в «Рено».
И снова будет ВАЗ в цене.
Да и с приличным реноме.

Что, «новая метла»? Начнём с начала?!
Чтоб музыка про «ЛАДУ» вновь звучала,
Чтоб снова заиграл ВАЗ, как по нотам,
А вас и ВАЗ не разнесли по анекдотам.

декабрь 2005

В истории гиганта автопрома
Открылась новая, столичная страница:
Временщики ведут себя как дома,
на деньги ВАЗа продолжая...
жить в столице.

Завод наш болен. Это – факт.
Не получил бы ВАЗ инфаркт,
Перемещаясь на «ТОЙОТАХ»
По рынку в скользких поворотах.
Меня денежный поток,
Развала не приблизим срок?..

апрель 2006

Конвейер дышит и «труба» дымит...
На авторынке ненасытный аппетит.
У вазовцев – немеряно побед.
Жаль, на достойную зарплату денег нет!

2005

Причудливо и бестолково
Средь разворванной страны
Уходят «дети Полякова».
Ушли и «СОКины сыны».
Над ВАЗом – новенькие флаги,
«Вахтовый метод» и «варяги».

май 2006

Стал генеральным в сорок пять.
Был призван ВАЗ «оборонять».
Сей «семимесячный» директор
Не уловил интриги вектор.
«Упал-отжался» по-московски
Седьмой наш лидер Есиповский.

1 августа 2006 г.

ВАЗ для варягов – кубик Рубика.
Прислали их заводом поиграть.
Всё крутят-вертят стороны у кубика.
Запутают – кто будет собирать?

август 2006 г.

У россиян широкие права...
Есть право думать и ругать начальство.
В курилках возмущаться. Осуждать.
Грозить «верхушке» заскорузлым пальцем
И на хрен «топов» втихаря послать.
Власть предержажшие всё стерпят –
Им плевать.

ноябрь 2006 г.

Инакомыслие на ВАЗе?!
Их мизер – сдвинутых по фазе ...
Все, что «инако» – измышление.
Когда «карманное» мышление.

В условиях сезонной заторки
На АВТОВАЗе дилеры собрались.
Все бренду «LADA» в верности поклялись,
Признания в любви к заводу были жарки.
Закончив встречу, наши «патриоты»
Обнялись, выпили... и сели на «ТОЙОТы».

27 февраля 2007 г.

Был генеральный первый честных правил.
В душе у вазовцев глубокий след оставил.
Как будто по стеклу след проведен алмазом.
Со следа верного не сбить нас с АВТОВАЗом.
На ВАЗе крепок дух! Потенциал немалый...
Жаль, управленья орган нынче очень вялый.

апрель 2007 г.

В застолье каждый рад стараться
Призвать всех – «За «трубу» держаться»!
Теперь тост надо подправлять:
Пришла пора «трубу» держать.
Зевнём – в Париж «труба» уйдёт!
Эй, вазовцы! «Труба» зовет!

7 ноября 2008 г.

С военной выправкой послали нам отряд,
Все руководство ВАЗа поменяв на новых.
«Ваш староватый менеджмент, сказали,
вороват...».
Возможно, вороват, но... меньше бестолковых ...

2008 г.

Ругают русские рубли.
А им ни холодно, ни жарко.
Они, как наши «Жигули»,
Давно народная уж марка.
Перед инфляцией и смутой
Машина ВАЗ равна с валютой.

Я «лирой засветил» заводу своему.
Мне менеджмент в ответ «фингал» поставил
На всякий случай, если не пойму,
Что ВАЗ наш «самых честных правил...».

Кто любит ВАЗ –
поймет всё без сомненья.
Кто знает ВАЗ –
тому и книжка в руки.
А у кого своё о ВАЗе мнение –
Пусть сам испытывает творческие муки.

«Кто не за ВАЗ – тот против нас!».
Но это явно ложный глас.
Когда-нибудь, хочу надеяться,
Все будем за... автовладельца.

Когда за ветеранские заслуги
Признательность начальство воздает,
То почему-то сразу вспоминаешь
Билет на улетевший самолет.

Не сдавайся, мой дружок,
Крылья рано складывать.
Надо в месяц хоть разок
Бабушку порадовать...

Мой друг, зачем себя изводишь?
Не хнычь, нервишки беребя...
Маразма нет, пока ты ходишь...
И – главное – не под себя.

Укатило время в «Жигулях».
Юбилей уже включил свой «поворот».
Может кто-то и стоял на тормозах,
А вот мы с тобой – совсем наоборот...

Таичке моей

Мы моря шаткую неверность
И волн игру, и пены древность
Лишь под ударами весла
Открыли...
Что ж невесела?
Вдруг нежность теплою волной
Меня накрыла с головой.
Что, трудно быть моей женой?
А я так счастлив быть с тобой!

В день сороковин

Опять иронии игла
Заштопать душу мне пыталась.
Но рифмы нить была стара.
По шву не шло, всё расползлось...
Чем боль души мне заглушить?
Один... И некого спросить.
И – вдруг – звонок... За дверью – внуки.
Слезу смахнул. Себя же – в руки.

Недолго нам ворчать осталось...
Вы, дети, подождите малость.
Жизнь, как известно, коротка
До пенсионного гудка.
И вам уже совсем чуток –
Всего чрез пару десятилетий
Вас подопрут свои же дети,
А там и пенсии звонок.

Напишу письмо я Тёме,
Потому что Тёме – пять!
Никому мне Тёмы кроме
Неохота уж писать.
Помнишь, Тёма, как мы дома
Начинали воевать,
Превратив в аэродромы
Стол, диван, да и кровать.
Мы подушками бомбили,
Попадали точно в цель,
После раненых лечили,
Рядом клали на постель.
Злых драконов побеждали,
Саблям подставляли грудь
А потом, как уставали,
Ели-пили что-нибудь.
И хотя ты ел немного,
Ты прыгучий стал и сильный,
И всегда готов в дорогу
Как баллон автомобильный.
Знал дорожные все знаки.
Делал их из колбасы.
Ненавидел «бьяки-каки»,
Но любил крутить часы.
И любил играть в футбол,
Бил ногой мячи и шапки

И орал ужасно: «Го-о-о-о-л!!!»,
Поднимая кверху лапки.
Нет, конечно ж, кулачки....
Прекращалась та игра,
Если мне сшибал очки...
Вот и закруглять пора
Поздравление Артёму,
Внуку моему родному.

26 августа 1999 г.

Ваш дед всегда был неподвластным,
Но к детям не был безучастным.
О, дорогие мои внуки!
И в вашей жизни будут «глюки».
Жизнь – не в компьютере программа.
Ваш папа знает, знает мама.
И, если будет в жизни сбой,
В семью стремитесь вы! Домой!
Опора в жизни лишь семья.
Внучата! В том уверен я.
(Писал сквозь дрёму этот бред
Дремуче-ироничный дед).

Вострю на пенсии теперь я
Эпиграммические перья...

Поймают несуна и... дело – в суд...
Всё больше ловят!!!
Но... несут, несут, несут...

* * *

А что, чины в России продаются?
Ну, что вы?!
...По знакомству раздаются!

Продуманно, без суеты и спешки
В ферзи проходят даже пешки.

* * *

Где руководство воровато,
У населенья «средняя» зарплата.

Борцам с коррупцией вручаются медали
От имени коррупционной вертикали.

* * *

В партийных планах – пафосная гордость.
В делах реальных – девственная скромность.

Инвентаризируют друзей
В дни, когда приходит юбилей.

* * *

Способность быстро забывать
По сути – просто благодать.

Рабочих кадров – дефицит.
Зато телохранителей всё больше.

* * *

Ах, до чего же сволочам приятно,
Что и на солнце тоже пятна!

Чтоб безнаказанно украсть,
Нужна огромнейшая власть.

* * *

Вставные челюсти мне тоже стали любы:
Не раскрывая рта, свободно чищу зубы...

Большой начальник вечно занят
Как в бойком месте туалет.

* * *

Найти виновных нелегко.
Гораздо проще их назначить.

Кубик Рубика.
Клубик рублика.

* * *

У многих предки вышли из ГУЛАГа
Под лёгкий трепет кумачёва флага.

День дарит радость и тревогу...
Ещё на год мы ближе к Богу.

Серьезный вид не исключает глупость...

* * *

Смех искренний – родной брат горьким слёзам.

В удачной фразе есть зачатки гонорара...

* * *

Нашел я место. Можно ставить пробу!..

Вот мысль одна, а смысл двоится...

* * *

В одной строке – и вдруг такие мысли...

И в паре строк бывает «пара смыслов».

* * *

В пригоршне мягких слов запрятаны колючки.

Цыплятам грустно... Осень уже рядом...

* * *

Блудливый кот всегда лижет чужие яйца.

У дурной головы самая короткая связь с ногами.

* * *

Советник помощника олуха царя небесного....

От глупости в аптеке нет снадобья.

* * *

Совесьть – очень старая нравственная категория. Поэтому чаще всего дремлет.

Личное счастье – это когда жена и любимая
в одном лице.

На совести встревоженной моей
Пусть будет этот скромный юбилей.
Я по натуре больше скептик.
Ирония – любимый антисептик
От мнимой значимости жизненных заслуг.
Заслуги вызывают лишь испуг
У совести встревоженной моей.

2011

Ужель последняя страница?
Перо ещё писать стремится,
И просятся в строку слова,
Но книжка кончилась...
Пока!

Юрий Кузьмич Целиков

ИЗБРАННОЕ

Редактор-составитель, автор предисловия
Александр Степанов

Технический редактор *Светлана Бондарева*
Оформление *Александр Рудкин*
Вёрстка *Миннегел Дадашбалаева*
Корректор *Александр Степанов*

Формат 70x90/32. Объем 4,5 п.л. Печать офсетная.
Гарнитура Petersburg
Тираж 1000 экз. Заказ 8523
Изготовлено в ООО «Двор печатный АВТОВАЗ»

Двор печатный АВТОВАЗ

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Россия, Самарская область, г. Тольятти, Юные шоферы, 36
Телефоны: (8482) 73-89-94, 94-04-94, 73-89-07, 73-71-26
Тел./факс: (8482) 73-01-26
E-mail: typografny@vaz.ru
<http://print.vaz.ru/my/page/get/pld/9755>

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Главный принцип нашей работы – ОПЕРАТИВНОСТЬ!
Главное преимущество – ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ!

Мы предлагаем вам оптимальные сроки, качество и цену.
Наша команда – это коллектив творческих людей с множеством интересных идей, разрабатывающих как эксклюзивные материалы, так и придающие «изюминку» вполне стандартной продукции.
Мы дорожим своей репутацией и положением на рынке полиграфических услуг, стараясь оправдать доверие всех своих клиентов.

PRINTPRESS

Дизайн, верстка на графических станциях Apple Power Mac G5.

PRESS

- Полноцветная и многоцветная офсетная печать на печатных машинах Heidelberg:
 - 4-красочная RitliMaster GPO-62-4 формата А3
 - 5-красочная SpeedMaster SM 102-5+L формата А1
- Трифариальная печать, УФ-лазероцвет
- Селективная офсетная печать
- Цифровая печать
- Наружная реклама

POSTPRESS

Броморочеточно-перелетные процессы: фальцовка, биговка, брошюровка, в том числе на пружину, высечка, ламинирование, фольгирование, установка колец тисцоло и многое другое.

Лазерная гравировка на оборудовании фирмы L.B. (США) с форматом обрабатываемого материала 40х60 см — резина, стекло, пластик, дерево.

Высококачественная вклейка носов для бумагорезательного оборудования фирмы Gossel.

Изготовление печатей и штампов.

Изготовление сувенирной продукции.

Печать на:

- футболках
- майках
- авторучках

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Издательская группа ООО «Двор печатный АВТОВАЗ»
приступила к созданию новой серии книг

под общим названием

«АВТОВАЗ. ИСТОРИЯ. ВЕРСИИ».

Готовится к выходу в свет в марте 2012 года

первый авторский выпуск

«Ю.К. Целиков. Хроника в ритме интервью».

Читатель получит возможность вновь окунуться в круговорот вазовской истории, проследить объективные и субъективные процессы, влиявшие на развитие АВТОВАЗа извне и изнутри последние 15 лет. В основе книги – десятки интервью, данных Ю.К. Целиковым средствами массовой информации разных уровней и посвящённых анализу непростых явлений современной истории Волжского автозавода и города Тольятти.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждём по адресу:

Россия, Самарская область,
город Тольятти, Южное шоссе, 36.

Телефоны: (8482) 73-88-94, 64-04-94, 73-89-07, 73-71-36.

E-mail: typography@vaz.ru

Самые лучшие
платье, а также
теперь и другие
дети
интересов и миссии
всего сердца Зубы
что прояснит приют
на время года
всех предметов
вещи прояснит
как-то есть сделать
сущности много старая
всех себе в сон
всех себе в сон
всех себе в сон

1. Счастье это когда
ты живешь в настоящем
и не думаешь о будущем
и не переживаешь за
прошлое. Жизнь это
то что происходит
с тобой в данный момент
и ты должен наслаждаться
каждым мгновением.
(Жизнь это как поезд
который движется
и ты не можешь
вернуться назад)

Передать брату и родителям
любви, заботы и понимания
и сказать что мы с вами
вместе. Помогите друг
другу. Не забывайте
о своих близких. Будьте
счастливы и здоровы.
Ваш брат и родители